

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: УРБАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Д.А. Аникин

Саратовский государственный университета
E-mail: dandee@list.ru

В рамках современного философского знания происходит трансформация и замена многих традиционных понятий, что связано с изменением задач и методов исследования в гуманитарных науках. Носителем культурной памяти являются социальные общности, поскольку процессы коммуникации между их представителями выступают постоянным индикатором актуальности циркулирующей в обществе информации. Закрепление этой информации способствует созданию идентификационного ядра, которое является объектом интерпретации в интересах различных сообществ, пытающихся подчеркнуть свою «особость».

Ключевые слова: политика памяти, визуализация, город, культурное пространство, практики.

**The Policy of Memory in the Modern Russian Society:
The Aspect of Urbanism**

D.A. Anikin

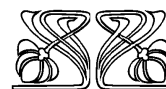
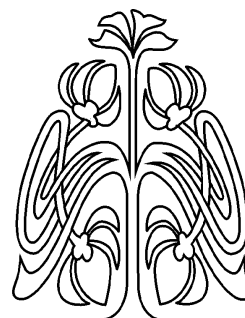
The processes of transformation and replacement of many traditional concepts are clearly observed in the frame of modern philosophical science. Social groups are the mediums of cultural memory, since the processes of communication among the members of the groups act as the constant indicators of the relevance of the information circulating in the society. Fixing of this information in written texts helps to form an identifying core. This core doesn't incur changes and poses as a source of interpretations for different subcultures belonging to one society and trying to emphasize their identity.

Key words: policy of memory, vizualization, sity, cultural space, practics.

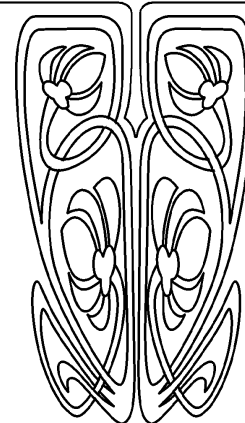
Политика памяти в последнее время приобрела значимость не только одной из стратегий культурной политики, но и статус научного, прежде всего, социально-философского понятия. Вместе с тем объем вопросов, затрагиваемых при её рассмотрении, чрезвычайно широк, поэтому следует уточнить: в данной работе речь пойдет об урбанистическом аспекте политики памяти, принципах её реализации посредством тех механизмов, которые предоставляют вербальные и визуальный контексты городского культурного пространства.

Следует отметить, что пространственный подход, позволяющий представить и описать процесс структурирования и функционирования города в терминах размещения и передвижения, не оставался неизменным, а постоянно трансформировался, чему способствовала многозначность самого термина «пространство», позволяющего говорить о различных аспектах городской действительности, начиная от специфики городской застройки и заканчивая образами города в сознании его обитателей.

Очевидно, приоритет в формулировании понятия «городское пространство» надо отдать Чикагской школе инвайронменталь-

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

ной социологии, в частности, ее основоположнику Р. Парку.

В своей работе «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городском окружении» (1916) он не только сформулировал исследовательскую программу по изучению городской среды, но и поставил вопрос о специфике городского пространства и принципах его организации. В его трактовке это пространство тесно связано с географическим (локализация города и его отдельных частей) и биотическим факторами (пространственная организация человеческого сообщества). Структурирование городского пространства подчинено реализации фундаментальных биологических потребностей человека, возможность удовлетворения которых определяет ареал расселения, они же косвенно влияют на формирование элементов культурного уровня – базовых норм и социальных институтов.

Непосредственно к принципам конструирования городского пространства обратился последователь Р. Парка Э. Шилз, оперирующий понятиями «центра» и «периферии»¹. Эти топосы, часто выступающие в качестве бинарной оппозиции, не могут быть окончательно разъединены, поскольку символическая связь между ними остается устойчивой как в архаическом обществе, так и в пространстве современного города. Центр всегда выступает носителем официальных ценностей, формирующих доминанты человеческого поведения, в то время как периферия служит прибежищем для представителей альтернативных стилей мышления, маргиналов, выпадающих из социальной структуры общества. Противостояние центра и периферии как «своего» и «чужого» позволяет городскому сообществу сохранять свою идентичность: обитателю центра пренебрежительно отзываться о жителях окраины, выстраивая свой процесс самоидентификации «от противного», а городской бедноте, концентрирующейся в периферийных кварталах, осознанно ненавидеть представителей центральных районов (особенно явно эта ситуация проявляется в среде молодежных группировок)².

Параллельную разработку категорий «центра» и «периферии», но уже в рамках мифологического дискурса осуществил М. Элиаде, раскрывший архетипическую природу трансформации космологических представлений в стратегии освоения пространства³. Человек не просто пребывает в пространстве, он его осваивает, обживает, с помощью ритуалов придает хаосу упорядоченность, а окружающему пространству – осмысленность. Не будучи профессиональным социологом, Элиаде сумел, однако, подробно осветить вопрос о наличии в городском пространстве определенных зон, смена которых характеризуется не столько сменой ландшафта, сколько сменой стереотипов поведения, социальных маркеров, обозначающих социальный статус человека.

Постепенно акценты исследователей смещаются от изучения институциональной составляющей городского пространства к ментальности горожан, к отражению города как своеобразной среды обитания в способах осмысления и конструирования окружающей социальной действительности. И здесь следует обратить внимание на понимание городского пространства в работах представителей феноменологического подхода – А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и др. Конечно, можно вспомнить, что к феноменологии религии Р. Отто обращался еще М. Элиаде, но целенаправленное исследование города с точки зрения конструирующего сознания горожанина стало возможным благодаря деятельности А. Шюца⁴. С его точки зрения, городское пространство является по своей сути коммуникативным, оно складывается в результате общения большого количества людей и является продуктом их коллективного творчества. Приобретая в процессе социализации «типизированные» представления об окружающей действительности, индивид не просто выстраивает по готовым шаблонам образ города в своем сознании, но и организует по этим шаблонам свою повседневную деятельность⁵. Недоверчивое отношение к «чужакам» (представителям другой зоны городского пространства) порождается невозможно-

стью предсказать сценарии их поведения и, соответственно, определить адекватную стратегию собственного поведения. Ситуация неопределенности порождает беспокойство и психологический дискомфорт, выливающийся в негативные действия по отношению к представителям других секторов социального пространства города.

Городское пространство не определяется чисто географическими характеристиками, скорее, оно подчинено игре социальных и культурных коннотаций, позволяющих каждому человеку иметь свою карту города. Разумеется, у каждого могут быть свои любимые или нелюбимые маршруты прогулок, что связано с личными воспоминаниями и поэтому плохо поддается осмыслению в русле социальной антропологии. Вместе с тем общность социальных практик и культурных стереотипов делает пространство города в некотором смысле *размеченным*: на нем, подобно кровеносным сосудам, проступающим под кожей, проступают пути и маршруты, прокладываемые городскими обитателями в своей повседневной деятельности. И.Т. Касавин акцентирует внимание на том, что все способы передвижения в городском пространстве имеют свои мифологические архетипы, которые могут не осознаваться самими горожанами, но неуклонно воспроизводятся в повседневной жизни. К числу таких архетипических маршрутов, частично повторяющих друг друга и отсылающих к предельно общей категории «путь», относятся «шаманское странствие, исход евреев из Египта, похищение Европы, поход аргонавтов, возвращение Одиссея, номадов, викингов, поиск чаши Грааля, крестовые походы, путешествия Марко Поло в Индию и Китай, паломничества в Мекку, монгольские нашествия, открытие Америки, поход Ермака, экспедиции на полюса, кругосветки, поездки в машине по хай-вею, космические полеты и летающие тарелки, жизненный путь и путь к Богу»⁶.

Постнеклассическая методология рассматривает городское пространство не как упорядоченную структуру отдельных институтов, а как пересечение различных практик

– гендерных, национальных, культурных, экономических. Все они служат предметом исследования различных дисциплин в поле гуманитарных знаний, что делает излишним даже их беглый обзор в рамках отдельной статьи. Но отдельным типом практик являются сознательно или неосознанно артикулируемые способы взаимоотношений с прошлым, его присвоение или усваивание – в общем всё то, что в современном гуманитарном дискурсе обобщается понятием «политика памяти». Иначе говоря, город является еще и хранителем памяти, он позволяет сохранять определенный образ прошлого и обладает достаточным набором средств для того, чтобы его актуализировать.

По словам А. Дюкова, принципиальна «необходимость разделения терминов "политика памяти" и "историческая политика". Когда 9 мая мы приходим возлагать цветы к Могиле неизвестного солдата – это тоже политика памяти, одновременно индивидуальная (поскольку мы совершаем это по зову сердца) и коллективная (поскольку цветы возлагаем не мы одни) <...> Политические манипуляции начинаются при попытке замены национальной идентичности, при попытке создания новых пантеонов жертв и героев»⁷. Такая позиция эмоционально оправдана, но весьма уязвима с философской точки зрения. Политика памяти выходит на передний план тогда, когда современная социальная и политическая ситуации вызывают потребность в изменении не самого отношения к прошлому, а его отдельных элементов, устаревшими оказываются сами стратегии обращения к прошлому. Таким образом, определенный тип памяти начинает поддерживаться и транслироваться с помощью государственных информационных и финансовых ресурсов в том случае, когда вызываемые этой памятью эмоциональные и рациональные ценности оказываются созвучны приоритетам современной национальной политики.

Можно конкретизировать представленные выше суждения следующим образом: *политика памяти* представляет собой целе-

направленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик. Культурное пространство современного города демонстрирует целый набор практик актуализации политики памяти, которые логично рассматривать системно и взаимосвязанно.

Память нуждается в визуальной репрезентации для того, чтобы получить «прописку» в сознании горожан, стать неотъемлемым элементом повседневной жизни. Как указывает Ж. Ле Гофф, аналогичным элементом повседневного пространства в средневековом городе был готический собор, который своей монументальностью и иерархичностью воплощал идею «феодальной лестницы», то есть репрезентировал ту идею, которая нашла абстрактное выражение в выстраивании небесной иерархии Августином Блаженным.

П. Штомпка в своей работе соотносит это свойство городской повседневности с наступлением эры постгуттенберга, когда «визуальная восприимчивость заменяет или дополняет восприимчивость текстовую. Массовость изображения в нашем окружении приводит к тому, что мы наблюдаем окружающую действительность через призму образных стереотипов»⁸. На самый поверхностный взгляд, визуальность проявляется в большом количестве рекламных плакатов, постеров, «растяжек», заменяющих в качестве источника информации текстовую наглядность расклеенных на специальных стендах газет, которые являлись атрибутом советской повседневности в 60–80-е гг. XX в. Но это лишь внешний слой, который в какой-то мере вуалирует более глубокую визуальность городского пространства – повседневную образность, которая оказывается настолько вкраплена в каждодневные действия или символические практики, что ускользает от рефлектирующего взгляда, прикрываясь очевидностью.

При этом нельзя сказать, что прошлое присутствует в городском пространстве в виде неизменных стандартов, с которыми

можно сравнить сиюминутные колебания социального баланса. Наоборот, городское пространство непрерывно пополняется новыми элементами, репрезентирующими определенные модели престижного поведения за счет (вос)создания социальных практик. Символическая нагруженность этих практик достигается за счет их апелляции к прошлому, история легитимирует диспозицию современного социального пространства, придавая ей монументальность и несокрушимость в глазах городских обитателей. Таким образом, возникает возможность реализации политических стратегий по отношению к сознанию горожан посредством актуализации тех или иных образов прошлого, их включения в повседневные практики. Визуальный уровень городского ландшафта становится пространством политической борьбы, осуществления различных стратегий политики памяти.

В современном городе такими знаками, которые сами непосредственно не относятся к прошлому, но при этом выражают его символическую значимость для настоящего, становятся памятники. При этом «эффект реальности», если воспользоваться терминологией Р. Барта, достигается не только за счет использования узнаваемых образов, но благодаря включению в контекст исторической реконструкции отдельных топосов городского пространства. Подобно тому, как в каждом советском городе на центральной площади возвышался памятник «вождю мирового пролетариата», пространство современного российского города оказывается структурировано отдельными памятниками, памятными табличками и мемориальными комплексами. При этом следует отметить, что, в полном соответствии с ситуацией постмодерна, городское пространство демонстрирует тенденцию *плюрализации* памяти, когда сводится к минимуму единый запас знаний о прошлом, разделяемый представителями всех сегментов социального пространства. В качестве такого необходимого минимума выступает в современном российском социуме память о Великой Отечественной вой-

не и ее героях, которая до сих пор является значимым элементом, визуально присутствующим в городском ландшафте.

Современному российскому обществу в каком-то смысле повезло, потому что политика памяти, актуализирующая воспоминания об этой войне, созвучна ожиданиям подавляющего большинства населения, способна объединить «под одними знаменами» представителей различных поколений и социальных слоев. На Украине политика памяти оказывается более дифференцированной именно в силу того, что воспоминания о войне не оказывают столь солидаризирующего эффекта. Возвращаясь к пространству современного российского города, можно отметить несколько способов визуализации памяти о войне:

памятники и мемориальные комплексы, непосредственно посвященные Великой Отечественной войне, ее событиям или героям;

памятные таблички или наименования улиц, обозначающие символическую связь между героическими прошлым и городской повседневностью;

топосы городского пространства, становящиеся символическими отсылками к прошлому лишь в некоторые моменты, когда актуализируются определенные социальные практики.

Кроме количества памятников, необходимо учитывать еще такой показатель как частота единичных примеров актуализации памяти в единицу времени. Иначе говоря, сколько раз в год память о войне оказывается актуализирована не в виде текстовых сообщений, а посредством визуальной репрезентации. И этот критерий показывает, что память о Великой Отечественной войне, несмотря на подчеркнутое внимание, оказывается крайне мало задействована в социальных практиках горожан. По сути, она актуализируется только один раз в году – 9 Мая, когда символическое значение приобретает возложение венков к братским могилам, Вечному огню или к подножию специальных мемориальных комплексов (в Саратове таким местом является парк Победы с расположенным там памятником «Журавли»).

Подводя итоги рассмотрения визуализации политики памяти в городском пространстве, хочется отметить, что данная тема является крайне актуальной для современной российской политики, поскольку позволяет обеспечить необходимое соответствие между стратегиями власти и ожиданиями населения. Исследование способов визуализации прошлого в городском ландшафте оказывается для социально-гуманитарного знания своеобразным индикатором, «лакмусовой бумажкой», способной обозначить взаимоотношения общества со своим прошлым, выявить проблемы исторической идентификации отдельных индивидов и общества в целом. Поэтому курс исследований городского пространства, намеченный «визуальной социологией» П. Штомпки, оказывается продуктивным для анализа и оценки эффективности политики памяти в современном российском обществе.

Выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592)

Примечания

¹ Schils E. Center and Periphery : Essays in Macrosociology. Chicago, 1975. P.13–18.

² Салагаев А.Л., Шашкин А.В. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1, №1. С.15.

³ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С.5–8; Антоновский А.Ю. Пространство родового общества // Уранос и Кронос. Хронотоп человеческого мира. М., 2001. С.41–62.

⁴ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. №2. С.134–140.

⁵ Касавин И.Т. Повседневность в контексте феноменологической социологии // Социемы. 2003. №9. С.27.

⁶ Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. СПб., 1998. С.232.

⁷ Дюков А. Ни одно общество в мире не может обойтись без своей политики памяти [Электронный ресурс]. URL : <http://www.liberty.ru/Themes/Aleksandr-Dyukov-Ni-odno-obschestvo-v-mire-ne-mozhet-obojsis-bez-svoej-politiki-pamyati> (дата обращения 14.04.2010).

⁸ Штомпка П. Визуальная социология. М., 2007. С.7.